

О.О. Мельникова

ПУБЛИЧНАЯ СОЦИОЛОГИЯ КАК УСЛОВИЕ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНОЙ НАУКИ

*Рецензия на книгу: **Общественная роль социологии** / Под ред. П. Романова, Е. Ярской-Смирновой. М.: ООО «Вариант», ЦСПГИ, 2008. — 176 с.*

Интерес к той или иной науке и ее развитие тесно связаны с социокультурными условиями и изменениями в социуме. Состояние социологии, возможно, больше, чем любой другой науки, связано с состоянием гражданского общества. И именно социология охватывает не только различные его сферы, но и предоставляет пространство для саморефлексии.

В последнее время социологи очень живо откликаются на рефлексию о месте социальных наук в обществе: на это указывают и интерес к лекциям Майкла Буравого, проходившим в Санкт-Петербурге, и недавняя публикация его статьи, и ежегодная конференция Сообщества профессиональных социологов, проходившая в ГУ-ВШЭ. Книга «Общественная роль социологии» организует профессиональное сообщество вокруг темы публичной социологии, создавая условия для актуализации рефлексивного знания.

Проблемное поле очерчивается значительной зависимостью социологии от государственных заказов и неконтролируемого рынка — как прикладных исследований, так и высокой теории. Рефлексивность публичной социологии рассматривается как необходимое условие управления интеллектуальными ресурсами, «повесткой дня», содержанием социологии как науки, и в итоге — условием формирования гражданского общества, от которого зависит само существование социологии.

Майкл Буравой, опираясь на теорию Карла Поланьи (Поланьи 1993) связывает состояние науки с процессами коммодификации фиктивных товаров: три волны охватывают труд, деньги и землю. «Третья волна принесла глобальные экономические проблемы, которые подчиняют себе национальные государства, вызывают террористические войны, а также порождают эксплуатируемые мобильные группы отчаявшихся нищих рабочих.

Последний оплот противостояния этому экономическому цунами — само общество, состоящее из саморегулируемых объединений, общественных движений, основной целью которых является выражение общей воли, и общественных групп (с. 161)*. В России влияние рынка и государства на состояние науки особенно явно — об этом говорят многие из участников круглого стола, материалы которого представлены в книге.

Книга организована как обсуждение темы публичной социологии, которую начинает Майкл Буравой статьей «За публичную социологию». В ней автор акцентирует внимание на легитимации публичной социологии и ее актуализации в профессиональном дискурсе. Заключительные статьи «Выковывание глобальной социологии снизу» и «Публичная социология versus рынок» позволяют глубже понять контекст данного направления социальной науки. В книге содержатся тексты очень разные по стилю, содержанию и «уровню» анализа: от высокого теоретизирования и рефлексии над опытом публичной социологии Майкла Буравого, Ульриха Бека, Дианы Вон, Энтони Гидденса — до материалов дискуссии российского профессионального сообщества, вовлекающих читателя во внутренний диалог с коллегами.

Типы социологии. Понятие «публичная социология»

При формировании понятия «публичная социология» Буравой отталкивается от идеальных типов, построенных на основе ответов на два вопроса: «Социология для кого?» и «Социология для чего?»**. Ответ на первый вопрос делит социологию по ориентации на академическую и вне-академическую аудитории, а ответ на второй вопрос выявляет типы получаемого знания — инструментальное и рефлексивное. Соответственно, разделение труда даёт нам четыре идеальных типа социологии: профессиональная, прикладная***, критическая и публичная.

В целом публичная социология относится к рефлексивному вне-академическому типу. Это означает ее обращенность не столько к профессиональному сообществу, сколько к различным группам общественности с це-

* В качестве примера воздействия коммодификации окружающей среды Буравой приводит ураган «Катрина» (2005 год), в результате которого в Новом Орлеане погибли 1400 человек. В основании такой катастрофы лежит неконтролируемый бизнес и интересы государства: развитие индустрии развлечений, бурение нефти в Мексиканском заливе, глобальное потепление в результате маркетизации, а также неэффективность службы по борьбе с чрезвычайными ситуациями в связи с поглощением ее службой военной безопасности после событий 11 сентября 2001 года (с. 164–165).

** Вопрос «Социология для кого?» поставлен Альфредом Маклангом Ли и фактически предполагает ответ на вопрос «возможно ли знание ради знания?». Вопрос «Социология для чего?» поставлен Линдом: конечные цели общества или средства их достижения находятся в фокусе социологии? (с.21).

*** Термин «policy sociology» исследователи трактуют неоднозначно. Так, Карин Клеман считает, что адекватнее использовать выражение «социология на службе заказчиков», Елена Здравомыслова считает, что речь должна идти прежде всего о маркетинговой социологии. В книге policy sociology определяется как «прикладная социология, под которой подразумеваются социологические исследования по заказу учреждений и организаций» (с. 8).

лью актуализации дискуссии о ценностях и конечных целях общества. По мнению Этциони, она предполагает оценку степени активности осуществления деятельности и осознание нормативности — ангажированности позиции социолога и нормативных последствий ее реализации. Публичный социолог расположен в пространстве политических действий, он должен учитывать ситуацию для осуществления своей деятельности (с. 130—136).

Мэйнстримом социологии является инструментальное знание: профессиональная социология, ориентированная на академическое сообщество, и прикладная социология, ориентированная на вне-академическую аудиторию. Теория «проложила себе путь во все области эмпирической социологии, нашла себе место во всех социологических специализациях, наконец, была принята как значимая и необходимая составная часть социологических исследований. Отделять теорию от исследования стало немыслимым» (Штомпка 2005: 67).

По мнению участников круглого стола, в России даже в большей степени, чем в западноевропейской социологии, доминирует именно инструментальное знание. Об этом говорит и Буравой, связывая развитие науки с событиями 1990-х годов: «...профессиональная база, унаследованная от коммунистических времен, была очень слабой. Маркетизация обратила социологию к опросам общественного мнения и исследованиям рынка, в то время как социологическому образованию, конечно же, не было места в новых бизнес-школах. Без прочной профессиональной базы в социологии преобладала грубая прикладная, заказная наука» (с. 163). И в этой ситуации, по мнению Буравого, особую роль приобретает публичная социология.

Не все участники круглого стола, освещенного в книге, одинаково понимают эти типы, акцентируют внимание на разных аспектах. Например, Е. Здравомыслова указывает на некоторую размытость границ между критической и публичной социологиями, а прикладную социологию рассматривает прежде всего как маркетинговую (с. 69).

Роль публичной социологии для дисциплины в целом и для общества

Публичная социология рассматривается как отдельное направление. Однако некоторые социологи склонны говорить, что это скорее роль социологии в обществе, а не отдельный тип (что, скорее всего, применимо и ко всей рефлексивной социологии).

Поддержание системы типов социологии. М. Буравой считает, что социологическая наука не просто приобретает новый ракурс, но существенно обновляется за счет появления рефлексивной социологии. Инструментальное направление науки остается доминирующим, но оно в большей степени зависит от неконтролируемого рынка и государства, что крайне негативно сказывается на развитии социологии. Любой тип социологии может принимать патологическую форму. Поскольку все типы очень связаны, то патологические формы могут отражаться на состоянии социологии в целом. Для профессиональной социологии проявлением такой формы является самореферентность, для заказной социологии — вмешательство со стороны государства, сервильность. Для поддержания системы из четырех типов

социологии как раз и необходимо развитие рефлексивного знания. Публичная социология является не просто еще одним направлением профессиональной самореализации и идентичности социолога. Собственно, с этим направлением связаны надежды Буравого на своего рода новый всплеск развития социальной теории.

Ульрих Бек несколько скептически относится к оптимизму Буравого относительно актуализации социологического дискурса в публичной сфере, и даже наоборот, считает, что существует опасность «превращения в музейный экспонат» (с. 113–122), если в социологической науке не произойдет существенных изменений. В контексте размышлений Бека проблема определения социологии государством и бизнесом может решаться только посредством преодоления национальных границ. Бек демонстрирует проблему «методологического национализма» (с. 117) на примере социального класса и неравенства, непреодолимого в глобальных масштабах во многом в результате существования национальных социологий. «В эту глобальную эпоху социологии срочно нужна Новая Критическая Теория с ясно выраженной космополитичной интенцией: она должна обнажить и ниспровергнуть стену методологического национализма, построенную на системах категорий и исследовательской рутине социальных наук» (с. 122).

Научные дисциплины рассматриваются Буравым как поля власти, и ориентированная на инструментальное знание социология США в значительной степени определяет направленность российской науки. «С критической и публичной социологией у нас беда. А ведь Буравой пишет, что первая — совесть академической социологии, а вторая — совесть «policy sociology». Значит, у российской социологии не хватает совести», — говорит Карин Клеман (с. 72). Е. Здравомыслова отмечает, что публичная социология, ставя под сомнение позицию инструментальной социологии, определяемой властью, и обостряя другие вопросы, в том числе социологического образования, интегрирует «российскую социологию в мировой дискурс» (с. 70).

Поддержание гражданского общества. История демонстрирует примеры тесной связи социологии с гражданским обществом: фашистский режим, сталинизм нивелировали значение науки до инструмента идеологии, т. е. не только содержание социологии оказывается обусловленным рынком и государством, но и само существование науки. И речь идет не только о тоталитарных режимах. Демократия все чаще используется как идеологическое прикрытие для подавления гражданского общества. В частности, это видно на приводимом Буравым примере результатов урагана «Катрина» в Новом Орлеане, когда интересы бизнеса и государства вопреки предупреждениям ученых создали условия для масштабной трагедии, не оправданной для такой благополучной страны, как США. Необходимы иные источники поддержания гражданского общества. Одним из них, по мнению Буравого, является публичная социология. Бауман пишет: «Ситуация изменилась, и задачи критической теории стали противоположными. Раньше она должна была защищать автономию личности от наступающих сил общественной сферы, почти целиком находившейся под управлением всемогущего обезличенного государства... Сегодня ее задача состоит в защите исчезающей

публичной сферы или, скорее, в заполнении общественного пространства, быстро пустеющего» (Бауман 2002: 135).

Яркий пример публичной социологии в действии представлен в статье Дианы Вон «О релевантности этнографии для производства публичной социологии...» (с. 123–129), в которой она показывает особенности и сложности реализации публичной социологии. Ее работы вышли в плоскость публичной социологии в результате катастрофы космического шаттла НАСА «Колумбия» в 2003 г. Это один из исключительных случаев, когда социологическая работа имела большое значение для объяснения ситуации, для официального расследования, и привнесла социологический дискурс в сообщения СМИ. В итоге кропотливой публичной работы удалось повлиять на изменения в НАСА и отчетность руководства данной организации перед заинтересованной общественностью. Таким образом, гражданский контроль был осуществлен благодаря публичной социологии.

Российская социология отличается крайне слабой связью социологии и гражданского общества. Так, например, Е. Здравомыслова отмечает, что «инициативные гражданские организации — это «естественные союзники» социологии. А именно они в российском контексте имеют о ней весьма смутное представление. Тем не менее, они сами порождают доморощенную социологию, и ее надо профессионализировать» (с. 69).

Формирование групп общественности. Публичная социология не только изучает, но и создает социальные группы, которые сами не являются оформленными, задает их границы, формируя в итоге идентичность групп общественности. Арчер, например, считает, что именно социологическому сообществу отводится активная роль в формировании диалога «с системными и внесистемными коллективными агентами», и вовлечение в этот диалог общественных движений, являющихся источником социальных изменений (Романовский 1999).

Особенно значимой эта роль может стать для слабо оформленного российского гражданского общества. Карин Клеман говорит, что «у современной российской социологии нет “публичного лица”» (с. 71), и основную причину она видит в ограниченности сферы публичных дебатов. Социологи, которые сохраняют независимость, крайне малочисленны и фактически не стремятся получить доступ к крупным СМИ. Павел Романов и Елена Ярская-Смирнова пишут: «Функция социолога как интерпретатора заключается здесь в наделении безгласных, слабо рефлекслирующих групп голосом в поддержке такого высказывания, которое является залогом социального диалога, консенсуса, исключает замалчивание или умаление каких-то социальных проблем, которые по чьему-то решению или соизволению могли бы быть объявлены незначительными или отсутствующими» (с. 89).

Социологическое знание на сегодняшний момент крайне зависимо от государства и рынка. И в России эта зависимость сводит социологию к заказной форме, что определяет стандарты образования, в котором ценность представляет не столько профессиональная социология, сколько прикладная. Изменения в социологии зависят от активизации других типов социологии, в особенности публичной, которая не только осмысляет цели науки, но и

подпитывает гражданское общество, так необходимое науке. Именно это позволяет профессиональному сообществу быть независимым от государства и рынка и целенаправленно воздействовать на облик социальной науки.

Реализация публичной социологии

В целом изменения реализации публичной социологии связаны с двумя основными аспектами: с осознанием необходимости публичной социологии среди представителей профессионального сообщества и с институциональными изменениями.

Осознание необходимости публичной социологии. После кризиса социологии* с 1990-х гг. отмечается рост интереса к ней. Буравой описывает те изменения, которые происходят не только в науке, но и в самом научном сообществе. В период маркетизации третьей волны государство и неконтролируемый рынок все больше определяют направление социологии как науки и направленность работы университетов. Социальные процессы повлияли, например, на увеличение числа женщин и расовых меньшинств в составе АСА, сформировав нишу для публичных социологов.

Меняется взаимодействие социологов и общественности: «Стремление к публичной социологии усиливается, а ее воплощение затрудняется, когда социология поворачивается влево, в то время как мир сдвигается вправо» (с. 12). Буравой констатирует пропасть между социологическим этосом и миром, который мы изучаем. Во многом его взгляд связан с критической теорией: формальная рациональность современного общества противостоит разуму, который возможно реализовать в рефлексивной социологии (Ритцер 2002). И если в свой «золотой век» социологи старались дистанцироваться от участия в социально-политических процессах, то в данной ситуации они занимают все более активную позицию.

В России социологическое сообщество если и не меняется кардинально, то проявляет отзывчивость к идее публичной социологии. Андрей Алексеев отмечает резонанс, вызванный открытыми лекциями Буравого «Публичная социология» в Санкт-Петербурге. Владимир Ядов считает такими индикаторами стремления к публичной социологии в профессиональном сообществе выступление студентов МГУ за изменение принципов преподавания социологии, а также события вокруг статьи социолога Карин Клеман, послужившие толчком к воздействию социологов на принципы Трудового кодекса (с. 108–109). Однако если в западноевропейской социологии дискуссия вокруг публичной социологии происходит уже давно и ряд социологов идентифицируют себя с ней, то в России обсуждение только начинается.

Институционализация публичной социологии. Осознания необходимости и принятия публичной социологии не достаточно для продуктивного воспроизводства этого типа. По мнению Буравого, должны произойти переосмысление целей преподавания социологии и соответствующие институ-

* Речь идет о состоянии науки в 1970-х гг.: «борьба школ», множество дистанцированных друг от друга социальных теорий, снижение числа последователей науки, студентов, поступающих на специальности социальных наук и т. п. (Рыкун 2006).

циональные изменения. Большое значение институционализации придает и Амитаи Этциони: для производства публичных социологов необходимы прежде всего кардинальные изменения в университетах, а также секции по публичной социологии в журналах.

Усилия по институционализации уже производятся «сверху»: например, шаги в этом направлении делает журнал «Контексты», АСА создает поле для публикаций и формирования организаций вокруг этого направления (с. 47). Социологи сходятся во мнении о том, что движущая сила должна идти «снизу». Собственно, книга «Общественная роль социологии», активизируя социологическое сообщество, и демонстрирует этот путь реализации публичной социологии.

Публичная социология тесно связана с особенностями гражданского общества. В постсоветских странах*, к которым, разумеется, относится и Россия, был всплеск публичной социологии в перестроечный период — вместе с бурным проявлением гражданских инициатив. Угасание последних стремительно снизило роль публичной социологии. Павел Романов и Елена Ярская-Смирнова рассматривают несколько основных условий развития публичной социологии в России: независимые источники финансирования публичной социологии, рост числа профессиональных исследовательских организаций и интерес к исследованиям со стороны гражданского общества, занятость социологов в организациях гражданского общества (НКО), «влияющих на политику снизу-вверх», а также изменение системы образования (с. 96).

Особый взгляд на реализацию публичной социологии у Ульриха Бека. На основе своих исследований он делает вывод, что ее реализация находится в значительном отрыве от профессионального дискурса: «Парадоксально, но исчезновение социологии в практическом, публичном и административном контекстах как раз и есть индикатор успешного использования социологического знания» (с. 116). Вместе с тем он придает большое значение публикациям социологических данных, поскольку они приносят результаты в публичную сферу — и становятся легитимными, признаются заказчиками, управленцами как заслуживающие реакции (с. 116).

Взгляды социологов на необходимость институционализации не столь однозначны. Так, например, Карин Клеман считает, что публичной социологией профессионал должен заниматься вне заказной работы (с. 2). В этом случае, безусловно, необходима легитимация, а институционализация может даже повредить выполнению роли публичной социологии. Бек, например, выражает сомнение, что мейнстримная социология готова принять публичную социологию (с. 113).

В работе «За публичную социологию» Буравым делается акцент на «институционализации взаимного обмена», т. е. введении органической солидарности в разделении социологического труда в профессиональном сообществе посредством университетов. Уже сама по себе профессиональная работа в области любого другого типа социологии (будь то профессиональной, критической или

* В статье «Выковывание глобальной социологии» Буравой типологизирует направления социологии в соответствии с национальными границами: постколониальные режимы, поставторитарные, постсоветские и постиндустриальные (с. 152).

прикладной) позволяет преодолеть патологии отдельных типов, что будет способствовать развитию публичной социологии. Однако это положение Буравого предполагает, что институционализация сама по себе еще не играет ключевой роли в реализации предлагаемого им направления социологии.

Социология гораздо меньше представлена в публичной сфере, чем, например, такие социальные науки, как психология или экономика. Они более популярны, чем социология, и имеют большее воздействие на массовую аудиторию, вовлекая общество в диалог. В «золотой век» социологии бурно развивалась социальная теория и число ее последователей росло. После спада интереса к социологии в 1970–80-х гг. П. Бергер пишет свое «неприглашение», в котором показывает основные признаки кризиса науки и пытается переосмыслить причины спада интереса к ней. Многие черты кризиса социологии не могут быть преодолены, до сих пор остается проблема единства дисциплины и т. п. (Рыкун 2006). Несмотря на некоторый рост популярности социологии среди студентов, Э. Гидденс, П. Бергер, М. Буравой констатируют значительный спад науки. Основные причины этого Гидденс видит в росте «философских течений, ориентированных на рынок», и доминировании экономики над социальной сферой с 1980-х гг., а также отсутствие утопичных, мотивирующих идей (с. 137–139). Возможность изменения направления науки — в росте интереса к социологическому воображению, в изменении стиля мышления.

Публичная социология не решает данные проблемы социологии, скорее наоборот, размывает границы, включая в себя методы журналистики, вовлекаясь в политическую социально-экономическую сферы общества. Черты социальной науки и профессионального сообщества изменились. Роль публичной социологии видится в импульсе развития других направлений социологической мысли, а также в осуществлении связи различных типов социологии с объектом их изучения посредством множественности опытов адептов науки и возможностью для публики выражения своей позиции. Буравой пишет: «Мы должны применить нашу социологию к самим себе, лучше осознать глобальные силы, которые управляют нашей дисциплиной, чтобы быть в состоянии управлять, а не быть ведомыми ими» (с. 41).

Литература

- Бауман З. Индивидуализированное общество / Пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева. М.: Логос, 2002.
- Полань К. Саморегулирующийся рынок и фиктивные товары: труд, земля и деньги // THESIS. 1993. Вып. 2. С. 10–17.
- Ритцер Дж. Современные социологические теории. СПб.: Питер, 2002. Гл. 4. С. 161–214.
- Романовский Н.В. Социология и социологи перед лицом глобальных катаклизмов (По поводу полемики М. Арчер и И. Валлерстайна) // Социологические исследования. 1999. № 3. С. 3–10.
- Рыкун А.Ю. Социологическая экспертиза в структуре управления образовательными практиками: Дис. ... д-ра социол. наук / Новосиб. гос. ун-т экон. и упр. Новосибирск, 2006.
- Штомпка П. Формирование социологического воображения. Значение теории / Пер. Н.В. Романовского // Социологические исследования. 2005. № 10. С. 64–72.